

10. От отца к сыну, от сына к внуку

Семейные архивы... Семейные альбомы... С этими понятиями мы связываем представления о прошлом, вернее — далеком прошлом, потому что мало кто может похвастаться сегодня семейным архивом — время, в которое беречь архивы было небезопасно, грозные годы войны, переезды, коснувшиеся практически каждой семьи, — все это не способствовало хранению семейных архивов.

И тем не менее я держу в руках фотографии и документы прошлого века, времен гражданской войны, старые афиши и театральные программки.

Я рассматриваю фотографию Платона Самойловича Гришина — потомственного казака, участника русско-турецкой кампании. Его сына — директора гимназии в г. Сумы, преподавателя античной истории, латыни и греческого языка. Это — прадед и дед режиссера ведущего балетных спектакли — Игоря Александровича Перегудова, 45-й сезон верой и правдой служащего Большому театру и в Большом театре.

Сегодня мы много слышим о том, что люди плохо знают свои корни, не всегда могут рассказать даже о родителях. А вот трудится рядом с нами человек, который свято бережет память не только об отце и матери, говорит о них больше и охотнее, чем о себе самом, но и рассказывает много интересного о своих дедах и бабушках с обеих сторон, о далеких предках...

Есть еще одна тема, тесно свя-

Из истории одной семьи

занная с фамилией Перегудовых. Мы знаем много примеров потомственных артистических и музыкальных семей — и в этом плане семья Перегудовых тоже не типична.

Если спросить в театре: «Вы знаете Перегудова?». Почти каждый ответит утвердительно, и большинство будет иметь в виду Игоря Александровича Перегудова. В коллективе балета назовут и Перегудова младшего — Дмитрия, артиста балета. И мало кто вспомнит Александра Николаевича Перегудова — солиста оперы, исполнившего на сцене Большого театра с 1927 по 1952 гг. огромный репертуар (48 партий) и удостоенного за партию Подъячего в «Хованщине» Сталинской премии.

Это был человек интересной судьбы. Его отец — часовых дел мастер — трудился у знаменитого Павла Буре. Сын проявил художественные наклонности и поступил в Строгановское училище, окончил его и как художник-гравер работал в полиграфии. Когда началась Первая мировая война, Александру Перегудову было 20 лет. Его призвали в армию, он участвовал в боевых действиях и за храбрость, проявленную в Брусилловском прорыве, был награжден именным Георгиевским оружием. В эти же годы пришло увлечение театром. В октябре 1917 года он участвовал в концертах «для усиления средств культурно - просве-

дительной комиссии» — выступал как декламатор, играл в комедии. Потом была контузия, возвращение в Москву, приход в ряды Красной Армии. К строевой службе А. Перегудов после контузии пригласен не был, но как военный специалист ценился высоко. У меня в руках пожелтевшая от времени визитная карточка. Читаю: «Александр Николаевич Перегудов. Начальник Мобилизационного Отдела Московского Уездного Военного Комиссариата». Но, видимо, работа по военному ведомству молодого человека мало привлекала, да и голос «прорезался», и А. Перегудов поступил сначала в частную консерваторию Шора

(существовала такая в начале 20-х гг. в Москве), а потом и в Московскую консерваторию, которую закончил у профессора В. М. Зарудной. 25 лет жизнь Александра Николаевича, до самых последних его дней, была связана с Большим театром. Я лишний раз подтверждаю старую легенду о том, что Александр Перегудов — человек, умеющий носить театральные костюмы, точный, детально проработанный и умело сделанный грим. И выражение лица, глаз, по ко-

торым не спутаешь Германа и Чекалинского, легко узнаешь Тибальда, Бирюча в «Снегурочке», Афанасия Ивановича в «Сорочинской ярмарке», Зиновия Борисовича в «Леди Макбет Мценского уезда», Пантелея Мелихова в «Тихом Доне». В его репертуаре было мало партий первого положения. Но дирижеры и партнеры очень ценили А. Перегудова — за профессионализм, и за добрый нрав. Когда в 1927 г. в Москву из Вены приехал пианист и композитор Фридрих Огуза вместе с ним в концерте выступают Н. А. Обухова и А. Н. Перегудов. В Колонном зале Дома Союзов в сезонах 1933—34 гг., 1938—39 гг., в 1945 г. он участвует в симфонических концертах, которыми дирижируют А. Цейтлин, Л. Штейн-

На снимках: солист оперы Александр Перегудов в ролях (слева направо) — Подъячий («Хованщина»); Винокура («Майская ночь»).

берг, А. Мелик-Пашаев, поэт М. Мусоргского, Р. Вагнера, Д. Верди. Все эти сведения — из семейного архива Перегудовых.

А. Перегудов работал в Большом театре, когда в расцвете творческих сил была целая группа замечательных теноров — В. Дамасов, С. Юдин, С. Мигай, Н. Ханаев, Г. Излепп и он очень тактично сумел найти в труппе свое место, был нужен театру в том репертуаре, который очень достойно исполнял. Пел он много, участвовал практически во всех оперных премьерах, но это не мешало ему уделять большое внимание семье, дому. Вместе с сыном ездил на многочисленные маевки тех лет, брал с собой на экскурсии в подмосковные усадьбы — Кусково, Архангельское, Абрамцево, ходил с ним в музеи. В годы Великой Отечественной войны, когда враг подступал к Москве, Александр Николаевич не только участвовал в спектаклях Большого театра, возобновившихся в Филиале, но и возглавлял театральную бригаду, возводившую оборонительные сооружения на Бородинском поле.

Жена Александра Николаевича — Александра Петровна — тоже несколько лет была связана с Большим театром.

Она была 11-м ребенком в многодетной семье директора Сумской гимназии, закончила Институт благородных девиц. В Москве закончила бухгалтерские курсы, училась петь, но Александр Николаевич посоветовал ей зря не тратить на это время, работала бухгалтером в мастерских Большого театра, потом — в бухгалтерии театра. В театре возглавляла кампанию по ликвидации неграмотности (ликбез), и в семейном архиве сохранилась бла-

На снимке: Игорь Перегудов и Анатолий Симачев в балете «Конек-Горбунок».

годарность Александре Петровне Перегудовой за эту работу от общественных организаций Большого театра. Но и уйдя из театра, Александра Петровна не прерывала с ним связи. Ветераны театра с благодарностью вспоминают первые недели зарубежных фильмов в «Ударнике», на которые они попадали благодаря работавшей там А. П. Перегудовой.

А жила семья в знаменитом доме 3/5 по Щепкинскому проез-

ду, том самом, где в служебных квартирах театра жили Ю. Ф. Файер, А. М. Мессерер, М. М. Плисецкая, С. Г. Корень, М. М. Курилко-старший и другие, и где сегодня — наша столовая, библиотека, отдел зарубежных связей. Зимой 41—42 гг. это был один из немногих в Москве отапливаемых домов. В коммунальной квартире, вместе с семьей солиста оперы А. Н. Перегудова жила семья столбара мастеровских Максима Николаевича Синицина. Дочь его Леля страстно мечтала о балете и на вступительные экзамены в Хореографическое училище при Большом театре (так оно тогда именовалось), расположенное совсем рядом, на Пушкинской улице, повела «за компанию» своего друга Игоря Перегудова. И как

это порой случается, Лелю в училище не приняли, а Игоря взяли. Выпускался в 1948-м, годы учебы пришлось на тяжелое военное время и первые послевоенные годы.

Несколько лет в театре было два Перегудовых — один в опере, другой — в балете. И часто они участвовали в одном спектакле — недавних выпускников «держали» на танцевальных сценах в оперных спектаклях. Школу кордебалета Игорь Перегудов

прошел в балетах В. И. Вайнонена, Р. В. Захарова, Л. М. Лавровского, А. И. Радунского, Л. В. Яковсона. Балетмейстер В. А. Варковичкий на него поставил Танец с ведрами, который потом вошел в репертуар многих артистов и с успехом исполнялся в вечерах балета. С годами приходил опыт, нарабатывалось мастерство. Балетмейстеры-репетиторы и постановщики стали отмечать старательность, дисциплинированность Игоря Перегудова, выразительность и пластичность его сценического поведения. В его репертуаре стали появляться афишные роли. В паре с Е. Нацким он исполнял роли горилл в «Аистенке».

— Я изображал гориллу-женщину, а Евгений Петрович гориллу-мужчину, — рассказывает Игорь Александрович Перегудов.

— Женя был очень сильным, поднимал меня одной рукой и нес на ней. Я с удовольствием вспоминаю чудный, забавный спектакль, на котором воспиталось не одно поколение артистов и маленьких зрителей. Евгений Петрович и определил мою послеартистическую судьбу. Я не представлял себе, что закончив танцевать, уйду из театра. Родители позаботились о том, чтобы дать мне музыкальное образование, поэтому ноты я свободно читал и, присматриваясь к работе ведущих режиссеров, думал о том, что мог бы попробовать свои силы на этом поприще. Но к тому времени, когда я переходил на творческую пенсию, в балете вакансий не было. Я обратился к Евгению Петровичу Нацкому, главному режиссеру ведущему оперные спектакли. Вместе мы пришли к заведующему оперной труппой А. И. Орфенову, хорошо

знавшему моего отца. Мой приход в оперу Анатолий Иванович воспринял как возвращение в отчий дом заблудшего сына и, заручившись обещанием Евгения Петровича наставить меня на путь ведущего режиссера, дал «добро». 21 год проработал я режиссером, ведущим оперные спектакли.

Но все это — потом. А в 60-е гг. Игорь Перегудов был замечен и начал исполнять афишные партии. Хорошо помню его в роли Старшего брата в «Коньке-Горбунке», поставленном А. Радунским. Средний брат — А. Симачев, Младший, Иван — В. Васильев. В этом балете с жанровыми сценами, пронизанными живым, добрым юмором, И. Перегудов как нельзя больше соответствовал и жанру, и стилю спектакля.

Игорь Перегудов был интересным, очень своеобразным Северьяном в «Каменном цветке», много раз выступал в роли Лесничего Ганса в «Жизели».

Вместе со своей женой солисткой балета Ириной Чуб в 50—60 гг. Игорь много выступал в концертах — в то время в Концертном зале имени П. И. Чайковского по понедельникам часто устраивались Вечера балета. В них исполнялись танцы из балетов, концертные номера. С этим же репертуаром Игорь ездил на шефские концерты, которыми в то время увлекались все театры. Участвовал И. Перегудов и в зарубежных гастрольных балетных труппах, добросовестно исполняя любой поручаемый ему репертуар (вот она школа Перегудова-старшего). В Англии, после показа «Конька-Горбунка» у него была прекрасная пресса, появились поклонники.

Игорь Перегудов охотно рассказывает об отце, матери, дедах и прадедах, но когда речь заходит о нем самом, становится угрюмо-немногословным и все приходится «вытягивать из него клещами».

Когда я спрашиваю, кто из оперных режиссеров является для него эталоном, он, назвав Б. А. Покровского, его «Тоску», «Отелло» и «Войну и мир», начинает перечислять всех режиссеров, ставивших оперные спектакли на сцене Большого театра и КДС в течение 21 года, торжественные, праздничные концерты, которыми было так богато это время. И никого не забывает, и всех называет по имени и отчеству. И я, много лет зная Игоря, понимаю, что в этом для него нет ничего нарочитого — это естественно, это его органика — благодарно помнить всех, с кем сводила его судьба. (Как я понимаю, это — тоже одна из «перегудовских» семейных традиций).

Потом, когда в балете появилась вакансия, Игорю Александровичу предложили занять ее и он возвратился в свой коллектив и уже четыре года работает режиссером, ведущим балетные спектакли.

Когда речь зашла о людях, определивших его судьбу в балете, И. Перегудов назвал только одного человека — Ю. Н. Григорovichа.

— Я прекрасно знаю все его спектакли, начиная с «Каменного цветка». Он — художник моего поколения. Не только по возрасту, но и по жизненному, творческому опыту, — говорит Игорь Александрович. — Я был поражен, потрясен, покорен его талантом. (Окончание на 4-й стр.).

От отца к сыну, от сына к внуку

(Окончание. Начало на 2-й стр.).

лантом. Его приход в искусство дал мощный импульс развитию балетного театра. Начиная с работы над ролью Северьяна, у нас сложились, с моей точки зрения, очень хорошие отношения. Сегодня время не то, мы не те, да и времени не остается на товарищеское общение. Но я все так же высоко ценю и уважаю его талант и дорожу его добрым ко мне отношением...

И вот я уже разговариваю с Перегудовым-младшим, артистом балета Дмитрием Перегудовым. Ему 32 года и уже 13 лет — он артист Большого театра.

Его раннее детство тоже прошло среди тех, кто работал в театре — сначала все в том же доме 3/5, а потом в театральном общежитии на Кузнецком. Но в Хореографическое училище он не пришел сам (оно уже к этому времени располагалось на 2-й Фрунзенской), его привезла мама.

— Я еще был в том возрасте, когда сознательный выбор и не возможен, — рассказывает Дмитрий. — Мама спросила меня: «Ты любишь танцевать?». Я вроде любил, и ответил утвердительно, хотя не представлял себе, что это такое — учиться танцевать. Видел, как танцуют мама и папа, мне казалось, что это легко и красиво. В училище в тот год открылся подготовительный класс, туда меня и взяли.

А для родителей это было в известной мере решением проблемы — с кем оставлять ребенка, когда они с утра до позднего вечера в театре...

— Я выпускался в 1980 г. вместе с А. Буравцевым, Г. Тарандой, Н. Сперанской, О. Шульжицкой — я считаю, у нас был очень удачный выпуск: кроме одного, всех взяли в Большой театр.

— У кого вы заканчивали училище?

На снимке: Дмитрий Перегудов — Наездник («Половецкие пляски»).

— Последние три года нас вел И. Укусников, он привил основы классического танца, но, думаю, хорошую базу заложили педагоги, которые занимались с нами все годы. Они воспитали желание учиться, и наверное не случайно многие мои одноклассники поступили потом в ГИТИС и в Хореографический институт. Я ведь поступил на балетмейстерский факультет ГИТИСа всего через три года после окончания училища — хотелось продолжить занятия, попробовать что-то поставить самому...

— За 13 лет уже накоплен опыт, репертуар. Участие в каком спектакле стало для вас самым интересным?

— Это был «Золотой век» — первая моя работа с Ю. Н. Григорovichем. Я был занят во всех трех актах — был Газетчиком, участвовал в эпизодах народа, ис-

полнял сольную двойку в «Синей блузе». Это было по-настоящему интересно, я был захвачен работой. Совсем недавно станцевал Наездника в «Половецких плясках», участвую в танце с барабанами в «Баядерке» — работы много.

И снова «перегудовская» скромность: Дмитрий ничего не говорит о своей самостоятельной работе на периферии, о постановке танцевальных эпизодов в драматических спектаклях, о том, что играет на рояле и поет.

— Я рад, что Дима работает с удовольствием, любит театр, мне приятно, что педагоги и репетиторы отмечают его целеустремленность, дисциплинированность, исполнительность, — говорит о сыне Перегудов Игорь Александрович.

А растет уже Наташа Перегудова, ей четыре года и мой вопрос Дмитрию:

— Вы хотите, чтобы ваша дочь тоже пошла в балет?

— С одной стороны — да. Мне хочется, чтобы она продолжила семейную традицию Перегудовых. Но только в том случае, если у нее окажется достаточно данных для поступления в училище. Будут способности — я буду рад. Так что будущее Наташи решать рано. Покажет время.

На мой вопрос, что он знает о своих предках, Дима честно говорит: «Наверное, не очень много. Хотелось бы знать побольше»...

А что все мы знаем о своих дедушках и бабушках, не говоря уже о прадедах? Что мы знаем о своих корнях?..

Семейные архивы... Собрание вещей, связанных с конкретными людьми, событиями в их жизни и их семье, в жизни страны. И история страны, Родины — это не некая абстракция, а все то, с чем связан человек от самого его рождения.

С. БЕНЦИАНОВА.